

АНДРЕЙ ПЕРЕПЕЛЯТНИКОВ

Я военный строитель

Очерк

25 сентября 2008 года в Димитровграде отмечалось 60 - летие создания министерства Среднего машиностроения и важной его составляющей – военно-строительных частей. «Частям шестьдесят, и пятьдесят лет с того дня, как я связал с ними свою судьбу», - размышлял я в зале, где в скромной обстановке отмечали эту знаменательную дату. За те короткие часы, что мы, ветераны, общались, многое вспомнилось, промелькнуло как мгновение трудных, но интересных лет. Сейчас эти двадцать семь с хвостиком кажутся счастливыми, вспоминаешь их с трепетом души.

Выбор пути

В далёком 1958 году сразу после новогодних каникул всех ребят десятиклассников маленького степного городка Элиста с утра вызвали в военкомат. В городе в то время было две средних школы и в каждой по одному выпускному классу. Ребят в выпускных классах обеих школ было десятка полтора.

Нас пригласили в какой-то учебный класс и высокий, плотного телосложения майор поведал нам, что военкомату поступила разнарядка направить в военные училища страны двенадцать человек. Сразу никто из ребят нашей школы согласия на поступление в военное училище не дал. Нам посоветовали подумать и отпустили. Через некоторое время в военкомат нас вызвали снова. Никто из нас, десятиклассников второй средней школы, согласия не дал и на сей раз. Вызовы продолжались многократно. Бывало, идём в школу, а у входа нас уже встречает директор Иван Степанович и тут же отправляет в военкомат. Такая прямолинейная, грубоватая настойчивость военных привела к тому, что о поступлении в военные училища мы даже

перестали думать. Приходя каждый раз в военкомат, мы с порога заявляли: «Не решил».

В феврале месяце все мы прошли медицинское обследование. В марте месяце меня единственного из нашей школы вызвали в военкомат, и направили в г. Ставрополь на медицинскую и мандатную комиссии. На мою попытку отказа ехать, занимавшийся с нами майор сказал, что мне в том году исполняется девятнадцать лет, я призывник, и меня они готовят к военной службе.

В военном госпитале города Ставрополя я несколько дней проходил обследование. Из края в тот раз нас собрали человек тридцать. После медицинского обследования нас четверых парней привели в кабинет какого-то полковника, и тот, полистав наши личные дела, сказал, что мы направляемся на повторную, более тщательную медицинскую проверку. На следующий день нашу четвёрку повели в другое отделение госпиталя. Там мы ещё раз прошли всех узких специалистов, а после этого нас провели в большую комнату, где было много разной медицинской аппаратуры и специальных устройств. Мы поочерёдно вращались на специальном стуле и после нескольких минут вращения просили быстро встать и подойти к столу. Усаживали на велотренажер. К нашим рукам и ногам и груди крепили датчики с проводами и заставляли несколько минут крутить педали. На глаза одевали тёмную повязку и заставляли несколько раз присесть, а потом двигаться по комнате в разных направлениях.

Вечером того же дня капитан опять привёл нас к полковнику. Сухощавый, среднего роста седовласый полковник теперь вызывал нас в кабинет по одному. Когда я вошел, он сказал мне, что я по состоянию здоровья могу поступать в любое военное учебное заведение, и предложил мне на выбор: Ленинградское морское училище, которое готовило офицеров подводников, несколько авиационных, артиллерийских и прочих училищ. Я ответил, что я не решил, поступать ли мне в военное училище или нет, что ещё не советовался с мамой. Очень вежливо полковник велел мне хорошенько подумать до утра и принять решение, а завтра в десять он представит меня мандатной комиссии.

В кабинете Военного комиссара края было человек двенадцать: офицеры военкомата, убелённые сединой отставники с погонами полковников и

генералов с «иконостасами» боевых орденов и медалей на груди, представители крайкома комсомола, врачи.

Пожилой, высокий генерал взял со стола какую-то бумагу, накинул на мясистый нос в тяжелой оправе очки, неторопливо прочёл её содержание и, обращаясь к членам комиссии, сказал: «Это сын погибшего фронтовика. Его мама работает в колхозе. Учится парень хорошо, в прошлом году был комсоргом школы. Предлагаю дать направление». Присутствовавшие молча подняли руки, и генерал попросил вводить следующего.

Через час я снова оказался в кабинете седовласого полковника. Он молча вручил мне билет на поезд до Дивного, дал расписаться в ведомости на получение денег на автобус от Дивного до Элисты и суточные, а потом сказал: «Езжай домой, думай, советуйся, решай в какое военное училище поступать. Не вздумай отказаться. Не напишешь заявление в училище – призовём на три года и направим служить туда, где и Макар телят не пас».

Автобусная станция в Элисте располагалась рядом с военкоматом, и я с автобуса сразу же зашел отчитаться за командировку. Опекавший нас майор завёл меня в свой кабинет, и мы с ним долго там беседовали. Когда я сказал ему, что поступать в военное училище придётся, но хотелось бы в такое, где можно получить хорошую специальность, майор измерил меня долгим взглядом, потом откинулся на спинку стула, загасил в пепельнице папиросу, немного помолчал и сказал:

- Ладно. Расскажу я тебе об одном таком училище. Оно какое-то необычное. Вот здесь, - он достал из ящика стола старенькую папку, открыл её, полистал и продолжил, - оно Военно-строительное, техническое, но строго секретное. Не пойму почему. Что может быть секретного у строителей? Выпускникам лейтенантам дают диплом техника – строителя. Кандидатов нужно согласовывать с органами. Если ты согласен, могу сделать на тебя заявку. Только не говори – «подумаю». Надоели вы мне с вашими думами.

Не знаю почему, но я тут же и дал согласие.

Зачем, когда и как началось формирование наших частей.

Душным августовским днём ехал я на северную окраину Новосибирска, где располагалось училище. Вступительные экзамены сдал успешно. Пришлось сдавать математику ещё за двоих ребят. Учиться было интересно. Тревожило меня одно – неизвестность дальнейшей службы. Среди нас было много ребят уже отслуживших год и более в частях министерства Среднего машиностроения. О своей службе ребята делились неохотно, говорили с оглядкой по сторонам. Производственную практику после первого курса мы проходили в Управлении войск, занимавшемся строительством Академического городка под городом Новосибирском. Наша рота работала на возведении нулевого цикла главного корпуса института Ядерной физики. А я весь месяц во главе четырнадцати моих сокурсников ремонтировал помещения нашего училища. Кое-что о наших частях стало нам известно только после преддипломной практики. На три месяца разъехались мы по стройкам от Урала до Байкала. Части дислоцировались в строго засекреченных городах, строили предприятия, о которых толком ничего не знали даже многие жители тех городов. Знали одно - заводы оборонные, а что эти заводы будут выпускать, строили только догадки. Ничего толком не зная о строившихся предприятиях, на строительство которых приехали практиковаться, мы, тем не менее, в первый же день дали подписку о неразглашении важных государственных секретов.

Курсантские годы пролетели быстро. И вот я лейтенант, техник – строитель, получил назначение в Красноярский край.

Вдали от железнодорожной магистрали, на берегу быстрой таёжной реки Кан, у самых Саянских гор раскинул первые свои улицы дивный городок. В то время в нём было только две улицы, которые можно было назвать улицами: Ленина - с одним рядом домов, второй её стороной была набережная реки Кан, и Комсомольская - тоже с одним рядом домов. Прямо за рекой начиналась тайга, а к шоссе Комсомольской вплотную подступала высокая гора, поросшая густым лесом, который, видимо, и дал подлинное название городу - Зеленогорск.

База строительной индустрии располагалась сразу за КПП города, где службу несли вооруженные гражданские мужчины и женщины. Строившийся строго засекреченный завод располагался в десятках километров от города в низ по Кану. Его охраняли уже части внутренних войск.

Тот таёжный городок и все его предприятия начинали строить наши доблестные воины - строители. В зимнюю стужу 1956 года рота капитана Ивана Порфирьевича Шадрина высадилась с поезда на станции Заозёрная и пешком направилась на место будущей стройки. Большие армейские палатки, продовольствие, инструмент и прочий скарб везли на четырёх подводах, выделенных властями посёлка Заозёрный по предписанию краевого Военного комиссариата.

Дороги к месту будущей стройки не было. 40 километров пути шли от деревни к деревне по занесенным снегом просёлкам, помогая лошадям тащить тяжелые сани. Когда вошли в деревню Орловка, представитель строительного Управления, оно временно располагалось в станционном посёлке Заозёрный, вынул топографическую карту и компас, сориентировался на местности и сказал: «Вон на том пригорке будем рубить лес, и ставить палатки».

К слову сказать, примерно также начинали строить объекты и заводы города Красноярск -26 (подлинное наименование Железногорск), города Томск-7 (Северск), Челябинск -40 (Озёрск), Арзамас -16 (Саров) и многих, многих других.

Долгие годы всё, что касается создания ядерного оружия, где оно создавалось, кем и как, кто построил в отдалённых местах в рекордно короткие сроки десятки уникальнейших заводов и современных городов, было глубокой тайной. И только в годы перестройки, когда, наконец, рассекретили чертежи винтовки Мосина, знаменитой нашей трёхлинейки, стали открыто говорить и писать и о нашей ядерной энергетике, а на картах появились неизвестные россиянам города рядом с заводами этой отрасли хозяйства.

В конце шестидесятых мне, студенту исторического факультета Томского государственного университета заместитель начальника управления «Химстрой» Л. В.Виноградский, предложил написать историю строительства «Сибхимкомбината» - этого уникального предприятия атомной энергетики. Мой научный руководитель согласовал с учёным советом университета тему закрытой дипломной работы. Но режимные органы города Северска работу нам над этой темой не разрешили. Воспользовавшись распоряжением начальника Центрального управления войск министерства Среднего машиностроения генерал - майора И.Т.Камышана о написании исторических

справок войсковых частей, в 1976 году я собрал некоторые материалы по данной тематике. Мной была написана историческая справка войсковой части 11102, в которой в то время проходил службу. Не оставлял я без внимания всего, что попадалось об истории наших частей и все последующие годы.

В девяностые годы после отказа от надуманной секретности в городах Средмаша стали публиковаться материалы по истории создания ядерного потенциала СССР. Сегодня в нашем распоряжении имеется обширная, пока ещё разрозненная по отдельным стройкам и необобщённая в масштабах хотя бы отрасли литература. Многие издания страдают качеством написания из-за того, что работали над ними не профессиональные исследователи, а бывшие строители или специалисты построенных предприятий. Из-за имевшей многие годы строгой секретности в закрытых городах «Средмаша» отсутствовали периодические издания, режимные органы запрещали гражданам бесконтрольно фотографировать. В конце шестидесятых для фотографирования культурно - массовых мероприятий на улицах Северска я получал у заместителя начальника управления «Химстрой» по режиму тов. Амамбаева С.А. специальное разрешение. Поэтому материалы по истории наших строек сегодня очень трудно собирать и систематизировать. И, тем не менее, нами делается попытка кратко изложить основные моменты этой непростой, но очень важной страницы в истории нашего государства.

2

Фашистская Германия ещё в 1939 году предпринимала попытки создания атомной бомбы. Примерно в то же самое время подобные работы велись и в Великобритании. В сентябре 1941 года советская внешняя разведка доложила Сталину о ведущихся в Великобритании исследованиях по созданию атомного оружия. В начале 1942 года молодой учёный Г.Н. Флеров, а несколько позже и академик А.Ф. Иоффе обратились с письмами к Сталину о необходимости развёртывания атомной промышленности в СССР. И только после разгрома немцев под Сталинградом, когда несколько спало напряжение на фронтах, советское руководство принимает решение о ведении работ по созданию атомного оружия. 15 февраля 1943 Государственный комитет обороны принял решение о создании единого научного центра по разработке атомного оружия во главе с Игорем

Васильевичем Курчатовым. Но в условиях войны возможности начать полномасштабные работы по созданию атомного оружия Советский Союз не имел. Сначала было принято решение провести геологоразведочные работы по поиску залежей урановых руд. Учёные же во главе с И.В. Курчатовым занялись теоретическими расчётами, лабораторными экспериментами, разработкой технологии промышленного получения обогащённого урана.

Руководство и координация всех этих работ была возложена на НКВД. Научные центры и лаборатории вели исследования, а Управление лагерей НКВД строило необходимые для этого объекты. По линии Совнаркома атомный проект курировал нарком химической промышленности М.Г. Первухин, а от НКВД – генерал А.П. Звениягин.

Строительство предприятий атомной промышленности СССР началось с сооружения комбината «Маяк» в г. Озёрске Челябинской области. В мае 1944 года генерал А.Н. Комаровский был назначен начальником Главпромстроя НКВД СССР. До этого он руководил сооружением оборонительных укреплений на Сталинградском направлении, а после Сталинградской битвы вместе со своими инженерами, техниками и шестью тысячами рабочих был направлен на строительство металлургического комбината по производству высокопрочных сталей в г. Челябинск.

Главной задачей Главпромстроя с 1945 года становится сооружение предприятий атомной промышленности. Ещё до создания Главпромстроя генерал Комаровский получил задание подобрать площадку для строительства комбината по производству плутония. Будучи начальником Челябметаллургстроя, он хорошо знал Челябинскую область, и подходящую площадку специальная комиссия под его руководством выбрала именно там.

В 1944 году заканчивалось сооружение металлургического комбината в Челябинске. И коллективу Челябметаллургстроя поручают строительство плутониевого комбината. Условное наименование комбинат носил 817. Из Челябинска на новостройку были направлены сотни инженеров, техников и квалифицированных рабочих.

23 ноября 1945 года геодезисты забили первый колышек и начали съёмку местности, а геологи - исследования горных пород на берегу озера Иткуль в 160 километрах на север от Челябинска. Уже в январе 1946 года на

выбранную площадку прибывают 583-й и 584-й батальоны. С марта по май прибыли ещё 586-й, 587-й, 588-й и 585-й батальоны. Это были инженерные, дорожные, сапёрные подразделения сокращавшейся после войны армии. Поступали подразделения в распоряжение руководства МВД, начинавшего стройку. Воины начали рыть для себя землянки, строить дороги, заготавливать лес, строить всё необходимое для начала ведения строительных работ на площадке.

Первые строительные батальоны состояли из солдат призывников последних военных призывов, которые или не попали на фронт, или воевали всего несколько месяцев, солдат, служивших во время войны в тыловых частях, солдат, освобождённых из плена и не отслуживших четыре, положенных в то время, года. (Годы пребывания в плену в срок службы не засчитывались.) Эти парни уже прошли суровую школу испытаний в годы войны, были опытны, закалены невзгодами, к выполнению поставленных задач относились исключительно добросовестно. Возраст многих из них был далеко за тридцать. В 1945, 1946 и 1947 годах на стройку в Челябинскую область прибывали воинские части из Белорусского, Одесского, Уральского и других военных округов страны.

Первыми начальниками строек атомной индустрии были прошедшие дорогами Великой Отечественной войны опытные генералы и старшие офицеры. В войну они строили оборонительные укрепления, дороги, мосты и другие объекты, нужные воевавшей многомиллионной армии. Нашими стройками, кроме уже вышеназванных, руководили генералы: Царевский М.М., Штефан П.Т., Журавлёв М.И., Шевляков И.И., Курганов и другие. Первым начальником Димитровградского управления строительства был генерал - майор Семён Николаевич Бурдаков. При Управлении строек были политотделы, которые и руководили воинскими частями непосредственно. В 1947 году воинские части строительных управлений объединяются в Управления военно-строительных частей.

Кроме военных строителей на сооружении комбината 817 работали заключённые лагерей, мужчины, мобилизованные в годы войны в трудовые армии, спецпереселенцы, «указники», выпускники различных учебных заведений страны, разного рода специалисты, направленные с других строек.

19 июня 1948 года комплекс объектов завода 817 приступил к работе по выработке плутония для первой советской атомной бомбы. К тому времени руководству страны стало ясно, что для вооружения армии, авиации и флота ядерным оружием подобных комплексов нужно строить много и они должны быть рассредоточены на большие расстояния. На той же площадке Челябинской области уже велось строительство ещё двух комплексов и принимается решение о строительстве подобных комбинатов в других регионах страны. Сотни инженеров и техников, офицеров и целые воинские коллективы, построившие комбинат 817, были направлены на другие подобные стройки в Сердловскую, Томскую области, в Красноярский край и другие регионы.

Для руководства стройками и развития атомной энергетики страны 25 сентября 1948 года Указом Верховного совета СССР создаётся министерство Среднего машиностроения. В это министерство передаются все строившиеся предприятия, строительные, научно исследовательские учреждения ядерной энергетики. Министерством Обороны прикомандировываются в Минсредмаш и все военно-строительные части, занятые на сооружении предприятий атомной энергетики. Из состава МГБ туда же передаются и управления лагерей.

Александра Васильевна Карелова, в девичестве Сафронова, родилась в селе Архангельском Чердаклинского района, ещё в том, что ныне на дне Волжского водохранилища. В 1950 году она окончила Астраханский медицинский институт. После выпускных экзаменов в институте появился сотрудник МГБ, который отобрал нескольких выпускников ребят и девушек, и они были направлены на стройку в г. Томск-7. По прибытии на стройку Саша явилась в политотдел и получила направление на работу врачом лагерного госпиталя. В огромных лагерях отбывали наказание мужчины и женщины вместе. Жили они, естественно, в разных бараках, но контакты между заключёнными лагерей, очевидно, были самые тесные, так как при каждом исправительном учреждении был и дом младенца. Заведующей

таким домом ребёнка одно время и была хирург Александра Васильевна. Численность ребятшек в её доме ребёнка доходила до трёх сотен.

Как видим, реорганизация структурных подразделений «Средмаша» проходила не одномоментно. В Томске-7 до 1950 года ещё сохранялся политотдел при управлении строительства.

После смерти Сталина в 1953 году все лагеря политических заключенных ликвидировали, очень много осужденных по уголовным статьям амнистировали. А вместо них с разных концов страны стали прибывать на стройку воинские части, солдаты которых и становились строителями. Самой крупной воинской частью Томска-7 была бригада в/ч 11102. Прибыла она воинскими эшелонами с оружием и боевой техникой с Дальнего востока, где в 1945 году принимала участие в разгроме Квантунской армии Японии. Одно время в бригаде было 32 строительных отряда, каждый из которых насчитывал до тысячи человек.

Участник Великой Отечественной войны, храбрый артиллерист Василий Потапович Карелов, ныне полковник в отставке, прибыл в Томск-7 после расформирования механизированной дивизии. Штаб дивизии находился в г. Уссурийске. Артиллерийский полк, в котором служил Василий Потапович, дислоцировался в селе Раздольное под Уссурийском. В 1953 году дивизию спешно расформировали. Часть офицеров демобилизовали, а часть направили в распоряжение начальника управления «Химстрой» г. Томск – 7 и на другие подобные стройки. Туда же эшелонами были отправлены и все солдаты дивизии, срок службы у которых ещё не закончился. В Томске-7 Василий Потапович поступил в распоряжение начальника Управления военно-строительных частей (УВСЧ). Начальником Управления войск был полковник МВД. Все военно-строительные части подчинялись Министерству внутренних дел. Командование знало о неприязненном отношении офицеров, прибывающих из боевых частей, к офицерам МВД. А тут получилось так, что офицеры боевых частей попадали под командование «краснопогонников». (Так офицеры МО именовали офицеров войск МВД). Поэтому зачисляли в состав войск МВД вновь прибывающих офицеров в тайне от них. После того, как вновь прибывшие офицеры немного освоились на новом месте и разобрались в ситуации, они стали протестовать против их зачисления в МВД, отказываться одевать погоны и форму МВД. Ещё более неприязненные отношения были между солдатами войск МВД и солдатами,

прибывавшими из частей МО. В начале 1954 года между солдатами, прибывшими из боевых частей МО, и солдатами, проходившими службу в МВД, возникла серьёзная потасовка. Командованию УВСЧ пришлось принять серьёзные меры, чтобы остановить мордобой и разрядить ситуацию. Видимо, случившаяся массовая драка сыграла не последнюю роль в переводе всех военно-строительных частей и офицеров, в первую очередь, в МО. Части МВД с тех пор занялись только охраной города и строившихся объектов.

В Томске-7 наш герой артиллерист и симпатичная врач Сашенька Сафронова, познакомились, сыграли свадьбу и по сей день живут в мире и согласии. В настоящее время проживают они в г. Ульяновске.

4

В городе Северске с конца 60-х и до начала 80-х мне много пришлось поработать на строительстве градирен 5-го объекта, на реконструкции второго здания Первого объекта, Северной нитки 25-го объекта. Я и сегодня не знаю подлинные наименования этих заводов и поэтому называю их именами условными, хотя во время службы в г. Северске имел доступ к документам, содержащим государственную тайну. Наши города были огорожены колючей проволокой с контрольно-следовой полосой, с вышками и солдатами часовыми на них. Город Томск-7 и его объекты охраняла целая дивизия МВД. Строившихся нами городов не было на географических картах, нам строго запрещалось рассказывать об их существовании посторонним. К нам в гости не могли приехать друзья и родственники. Моей маме пропуск на постоянное проживание в моей семье я оформлял несколько месяцев. Бедная старушка долго переживала, боясь как бы не разгласить государственную тайну, за которую с неё взяли подписку. Она не могла взять в толк, что же она не должна никому рассказывать, ведь никакой тайны она так и не знала, прожив 16 лет в городе Северске. Первые строители Томска-7, из города могли выехать только по специальному разрешению органов, многим не разрешали привозить семьи. Ни о каких родственниках и гостях речи, естественно, никто и не вёл. А в начале девяностых по первому

каналу телевидения я увидел репортаж из города Северск. Бывший первый секретарь горкома комсомола, к тому времени директор первого объекта, Валерий Никитич Мещеряков на всю страну поведал о том, что стоит он на крышке первого за Уралом атомного реактора. «Реактор полностью выработал свой ресурс и вот сейчас он будет навсегда остановлен» - сказал Валерий, подошел к пульту управления и нажал кнопку. То было первое здание завода, а рядом с ним почти на километр протянулось второе здание, которое мы когда-то спешно вводили в строй после длительной реконструкции.

За годы службы мне много раз приходилось бывать в служебных командировках на многих наших стройках. Когда я побывал на объектах Красноярска – 26, Ангарска, Подмосковья, Новосибирска, был поражен масштабами сделанного нашими частями, моими сокурсниками и однополчанами.

В Москве проживает Борис Михайлович Максимов. С ним мы вместе оканчивали наше училище в Новосибирске, потом служили в одном полку в Зеленогорске. В начале 60-х СССР серьёзно отставал от вероятного противника по сооружению шахтных ракетных комплексов. В наших Управлениях войск было сформировано несколько отрядов. Им поставили задачу помочь достроить объекты в бескрайних степях Казахстана. И боевые позиции ракетных комплексов были построены. Ракеты встали на боевое дежурство в срок. Солдаты разъехались по домам, а офицеры средмашевцы продолжили службу в строительных частях МО. Через пустыни Кызылкум и Каракум они протянули газопровод Бухара - Урал. Строили испытательные полигоны на Новой земле и в Семипалатинске, принимали участие в сооружении пусковых комплексов в Плесецке, работали на многих других важнейших стройках МО и народного хозяйства СССР.

На сооружении автозавода в Тольятти многие годы работали военные строители 26 УВСО МО. После завершения стройки в Тольятти это управление отрядов было передислоцировано в г. Ульяновск. Многие годы им командовал мой однокашник ныне покойный полковник Виктор Павлович Парыгин. Сейчас в бывшем городке 26 УВСО размещается 31 Десантно-штурмовая бригада.

С участием военных строителей средмашевцев в Казахстане на безлюдном когда-то полуострове Мангышлак стоит прекрасный город с уникальными

промышленными предприятиями. Много лет этой стройке отдал мой однополчанин, ныне проживающий в Заволжском районе Ульяновска, полковник Калинин Алексей Николаевич. В пустыне Узбекистана стоят современные города Навои и Заравшан. В Читинской области в короткие сроки появился г. Краснокаменск с уникальным Горно-обогатительным комбинатом. На берегу Балтики легли улицы красивого города Ломоносов, и даёт электроэнергию Ленинградская АЭС. В г. Протвино Московской области работает ускоритель заряженных частиц, с помощью которого советские учёные на много лет опередили всех зарубежных в исследованиях ядра атома. Прекрасны и города: Обнинск в Калужской, Дубна в Московской, Озёрск - в Челябинской областях, Железногорск и Зеленогорск в Красноярском крае, и многие другие в областях и республиках необъятной России и бывшего СССР.

Как и в каких условиях строили

1

Когда начинали строить предприятия Зеленогорска, строители уже имели в своём распоряжении мощную строительную технику: бульдозеры и экскаваторы, краны и мощные грузовики. Строительные площадки во многом представляли собой площадки монтажные, потому как колонны, ригели, стеновые панели, плиты перекрытия, вся столярка, вентиляция и прочие конструкции зданий, изготавливались в специализированных цехах предприятий строительной индустрии. И, тем не менее, все мы испытывали колоссальные трудности по сооружению и вводу в строй огромных цехов. Не хватало машин и механизмов, не хватало рабочих рук. А нужно было спешить - вводить и вводить в строй цеха, предприятия. Работы часто велись круглосуточно. Помню, однажды на совещании начальник стройки генерал Курганов сказал: «Товарищи, мы отстаём. Американцы уже имеют изделие, а мы ещё не закончили строить цех, который будет изготавливать подобное». На строительство того цеха из нашего автомобильного отряда было выделено 30 самосвалов. Велась отсыпка грунта на коммуникационном канале. Шестьдесят солдат водителей работали по 12 часов в сутки. На объект их привозили и увозили автобусом. Специально оборудованный грузовик привозил обед, завтрак и ужин. Горючим заправлялись самосвалы тоже на объекте. Новые автомобили круглосуточный темп работы не

выдерживали, часто ломались. Их цеплял тягач и тащил ремонтировать на автобазу, оттуда тут же пригоняли другой на замену. А солдаты работали, на трудности не жаловались. Все понимали важность строившегося завода, срабатывало чувство ответственности. Работали из последних сил. Однажды один солдат водитель так устал, что больше не мог работать. Он положил голову на баранку руля и сказал мне, старшему на смене: «Всё, товарищ лейтенант, я больше не могу». Я подвинул его на место пассажира, сел за руль сам. Солдат тут же и уснул.

Два бульдозера таскали каменистый грунт в огромные кучи. Меж этих куч, словно туннель, в глубоком снегу была проложена дорога. Экскаваторы кубовыми ковшами черпали из куч грунт и сыпали в кузова медленно двигавшихся самосвалов. Вот мой самосвал полностью загрузили, я прибавил газу и переключил передачу. Через минуту машину сильно трянуло, она рванула вперёд и чуть не врезалась в задний борт впереди идущего грузовика. Я ещё не понял, что произошло, но с ужасом увидел бегущего ко мне генерала Курганова. Генерал что-то кричал, сотрясая воздух своей тяжелой тростью. Как оказалось, спавший водитель моего самосвала сполз с сидения и коленом левой ноги упёрся в рычаг подъёмника кузова. Переключая передачу, я выжал сцепление. Нажатый спящим солдатом рычаг подъёмника, переместился вперёд, кузов самосвала поднялся, горная порода высыпалась, перекрыв узкую дорогу. Движение самосвалов и вся работа остановилась. Стоявший на сугробе и наблюдавший за ходом работы начальник стройки увидел остановку и поспешил к месту происшествия. Перепуганный, я открыл дверь кабины, взобрался на сугроб и замер в стойке «смирно». Генерал, не ожидая увидеть за рулём самосвала офицера, в метре от меня остановился. После короткого гневного взгляда на меня заглянул в кабину. Увидев спящего солдата, сказал:

- Почему не заменили?

- Некем, товарищ генерал - майор. Заменил сам, - ответил я.

Генерал тяжело вздохнул, левой рукой поправил папаху, маленьким, аккуратным сапожком из лосиного меха пнул ком снега и пошел к своей единственной в городе «Волге».

Через несколько лет уже в г. Северске мы тоже штурмовали пуск в эксплуатацию одного цеха. Южная его нитка была сдана в эксплуатацию

давно, а Северная до поры была законсервирована. Отношения между СССР и США опять до предела обострились, потребовалось увеличение объёмов продукции строившихся нами объектов. Недостроенный цех срочно расконсервировали и начали спешно достраивать. Все офицеры полков, работавших на том объекте, и все мы офицеры штаба Управления войск ежедневно пребывали на той площадке. Работы велись круглосуточно, без выходных, с продлённым рабочим днём. За нами офицерами были закреплены конкретные участки работ. Мы контролировали поставку раствора, бетона, кирпича, пиломатериала и других стройматериалов, помогали ИТР в организации труда наших воинов.

Однажды мне надо было пройти на незнакомый участок, подменить офицера, который убыл в командировку. Я не единожды просматривал чертежи того здания и поэтому не взял, как полагалось по инструкции, сопровождающего. Был уверен, что сам найду нужный участок. Когда спустился на минус шестнадцатый этаж, там никого не оказалось. По узкому бетонному коридору я прошел в одну, потом в другую сторону, обошел несколько боковых коридоров и решил выбираться обратно. Стал искать лестничный пролёт, по которому спустился, но его нигде не было. Меня охватил страх, я шел и шел по бесконечному коридору в надежде куда -нибудь выйти. Несколько раз останавливался, затаив дыхание, прислушивался в надежде услышать голоса людей или шум работавших механизмов. Но тщетно. Стояла жуткая тишина, хотя на объекте работало два полка солдат и несколько сотен гражданских специалистов. Коридор, освещаемый тусклыми фонарями в защитных колпаках, то расширялся, то сужался. Наконец стали появляться проёмы, замурованные толстыми, как в бомбоубежищах да в хранилищах банков, толстыми бронированными дверями. Стали появляться предупредительные знаки об опасности пребывания людей без защитных средств. Я уже решил поворачивать в обратную сторону, когда увидел в боковом проёме уходящую вверх металлическую лестницу и услышал где-то наверху голоса людей. Я вихрем понёсся вверх по гулким ступеням. Пробежал один этаж, второй и увидел небольшой зал и работавших в нём мужчин. Они укладывали на пол глазурованную керамическую плитку.

- А как вы здесь оказались? - почти в один голос спросили меня удивлённые мужчины.

- Я шел на ось ... минус..., но не нашел, заблудился и вот иду обратно.

- Мы не знаем где это. Можем вывести вас в цех ..., если у вас есть пропуск.

- Я входил там, где пропуск не требуется. Вы проводите меня до часового, а там я свяжусь с начальником участка, и меня выведут.

Высокий, пожилой мужчина отложил в сторону киянку, которой простукивал, выравнивая свежеложенную плитку, открыл боковую дверь и, пригласив меня следовать за ним, стал подниматься вверх по широкому лестничному маршу. Миновав пять или шесть этажей, мы оказались перед проходной, перегородившей отделанный в светлые тона, ярко освещённый коридор. Рослый солдат подскочил со стула, приветствуя меня, выслушал моего проводника и стал звонить по телефону, вызывая на пост начальника караула. На моё счастье пришел знакомый мне старший лейтенант, который, посмеявшись, вывел меня на центральную проходную завода и, пожелав больше не блудить, отпустил на все четыре стороны.

Очень часто я вспоминаю то моё путешествие. Сослуживцы, подчинённый мне прапорщик Саша Лобанов много рассказывали, как в конце сороковых, начале пятидесятых строился тот и другие, подобные ему объекты Сибирского химического комбината. По настоящему представить себе объёмы и сложность работ по строительству того комбината я смог только после моего случайного путешествия по одному из его заводов.

2

Начинали строить Сибирский химический комбинат в конце сороковых. Работали на стройке военные строители и заключённые. Сначала солдат строителей на стройке под г. Томском было мало. Занимались они строительством жилья для ИТР и специалистов комбината, несли караульную службу, работали на предприятиях, обслуживавших стройку. Основные строительные работы вели заключённые. В городе было несколько лагерей заключённых по политическим и уголовным статьям. Огромные котлованы рыли вручную. Грунт, да и все строительные материалы, перевозили, в основном, гужевым транспортом. В составе управления Химстрой было два полка, которые занимались перевозками грузов на лошадях. На стройке в

первые годы, практически, не было ни экскаваторов, ни подъёмных кранов. Даже на строительстве первого промышленного реактора на комбинате 817 работало всего четыре экскаватора устаревшей конструкции. Мёрзлый и скальный грунт дробили кирками, ломami, взрывом. Тяжелые грузы поднимали ручными, кое-где электрическими лебёдками, или полуручными кранами. На вращающейся вручную платформе крепилась стрела с блоком на конце. В центре платформы стояла ручная, иногда электрическая лебёдка, которой тросом поднимали грузы. При помощи таких механизмов вынимали из огромных котлованов грунт, опускали туда строительные материалы. Стены и перекрытия зданий возводились из кирпича и монолитного бетона.

Отец Саши Лобанова перед войной служил пограничником на границе с Польшей. В первые же часы начавшейся войны членов семей пограничников на автомашинах вывезли на железнодорожную станцию, посадили в эшелон и отправили в тыл. Ехать поездом долго не пришлось – налетели немецкие самолёты и поезд разбомбили. Мама во время налёта погибла. Саша, его старшая сестрёнка и младший братишка остались одни. Их вывезли в какую-то деревню в Тульской области. В детском доме Тулы Саша окончил семь классов, потом его направили в ФЗО, по окончании направили в Казахстан поднимать целину, а оттуда призвали в ряды Советской Армии. Так он оказался на строительстве Сибирского химического комбината. После срочной службы остался работать вольнонаёмным рабочим бригадиром. «Работали, - как он рассказывал, - всё светлое время суток. Основным инструментом была лопата, кирка или лом. Питание было скудным. Но заработки были неплохие». С введением института прапорщиков Александр Иванович заключил в УВСЧ договор, окончил Новосибирскую школу прапорщиков. Дослуживал до пенсии под моим началом в скромной должности начальника клуба полка.

За годы войны наши строители научились строить сложнейшие объекты в рекордно короткие сроки и качественно. Очень большим тормозом строительства до шестидесятых годов было отставание в проектировании зданий и сооружений. Многие объекты часто начинали строить без проекта и каких-либо чертежей. Например, постановление Совета Министров СССР о строительстве первого плутониевого завода в стране было принято 1 декабря 1945 года. К лету 1946 в районе озера Кызылташ Челябинской области уже было сосредоточено около 15 тысяч рабочих и специалистов, готовых приступить к строительству. А окончательное решение по

вертикальной схеме размещения будущего реактора было принято учёными лишь 8 июля 1946 года. Только после этого проектировщики смогли приступить к разработке проекта. Но строительное управление 859 приступило к ведению подготовительных работ. На стройку для работ в скальном грунте доставили всего два компрессора.

Только к началу октября 1946 года была получена разрозненная проектная документация на ряд зданий. На здание атомного реактора был получен проект на рытьё котлована глубиной в 10 метров. В середине октября пришли новые чертежи на котлован под тот же реактор. Теперь глубина котлована должна быть 24 метра. А в середине декабря поступают чертежи котлована уже глубиной в 43 метра. Но котлован должен быть сдан под бетонирование к концу 1946 года! В сроки, естественно, строители не уложились. Начали бетонирование котлована только в начале мая 1947 года. Точно также без технической документации 15 января 1947 года на той же площадке начали готовить котлован под радиохимический завод.

И избавиться от этого было невозможно. Ведь только-только создавалась совершенно новая отрасль. Учёные физики и химики непрерывно вели исследования, делали одно открытие за другим, а проектировщики вносили и вносили изменения в технологию получения высокообогащённого урана. Бывало, мы в спешном порядке готовим объект к сдаче в эксплуатацию, ждём приёмочную комиссию из Москвы. Но поступает приказ отделочные работы остановить, стены и кровлю здания осей... разобрать, приступить к долбёжке монолитных коммуникаций нулевого цикла – пришли новые чертежи.

В городе Тольятти проживает Вадим Васильевич Фадеев. В начале шестидесятых он руководил группой высококлассных специалистов комбината в г. Красноярск – 45 (Зеленогорск). Группа Вадима Фадеева принимала от монтажников оборудование строившихся цехов, запускала его и передавала эксплуатационникам.

Однажды Вадим, изучая проектную документацию строившегося огромного цеха, который ему предстояло принимать, нашел массу недостатков в схеме энергообеспечения. Возвращаясь с работы, он зашел ко мне и предложил вместе помозговать над упрощением системы энергообеспечения здания. Я ничего не понимал в энергетике, и моя роль сводилась к консультированию новатора по части изменений строительных

чертежей. На листе ватмана по памяти Вадим набросал схему здания, отметил места расположения трансформаторов, силовых шкафов, машин и механизмов, как было в проекте. Потом взял другой лист ватмана и стал чертить свою, более простую и надёжную схему их размещения. На следующий день Вадим принёс с работы тетрадку с таблицами каких-то цифр. Я попросил у строителей и принёс арифмометр. Несколько вечеров допоздна мы с ним сидели в «тёщиной комнате» трёхкомнатной квартиры, его домашнем кабинете, и считали, считали. Вадим называл мне числа, а я на логарифмической линейке или на арифмометре их складывал, делил, умножал. Когда мы закончили расчёты, Вадим дал строителям новую схему энергоснабжения здания. Строители до того привыкли к постоянным изменениям чертежей, что без проблем и положенных формальностей выполнили все работы по его схеме. Когда началась работа госкомиссии по приёмке строительной части здания, отклонение от проекта было обнаружено. Вадим от работы был немедленно отстранён. Из Москвы срочно приехала группа проектировщиков энергетики цеха, и началось расследование. С Вадимом беседовали работники прокуратуры и сотрудники Комитета госбезопасности, он писал бесконечные объяснительные по поводу самоуправства, готовился к самому худшему. Все специалисты завода, некоторые члены приёмочной комиссии признавали правильность внесенных изменений, огромную экономию средств, материальных ресурсов, трудозатрат и большую надёжность смонтированной энергосистемы в сравнении с тем, как было запроектировано. Только под давлением того, что цех надо было срочно вводить в эксплуатацию и докладывать в ЦК КПСС о вводе в строй объекта, проектировщики энергетики признали правильность Вадькиной рационализации и утвердили новую схему энергоснабжения цеха.

Правительственную награду Вадиму москвичи не пропустили, но директор комбината выписал ему денежную премию в 1500 рублей. Чертежи энергообеспечения следующего цеха пришли уже с наличием и учётом Вадькиных новаций. На премию он купил дорогущую по тем временам шубу жене, кое-что из мебели, отремонтировал квартиру. По ходу ремонта квартиры его жена Людмила, работавшая в возглавляемом мною комитете комсомола полка завсектором учёта, настояла на ликвидации в спальне кладовой – нашего с Вадимом кабинета. Сколько бессонных ночей мы там

провели! Сколько разного рода тем и фантастических проектов обсудили два друга-романтика!

На те премиальные мы с Вадимом и Людмилой ещё как следует и гульнули.

На строительстве комплекса зданий «Б» в городе Озёрске в начале декабря 1948 года приёмочная комиссия проверила все сооружения комплекса. Приёмщики не обнаружили ни единой недоделки и готовы были подписать акт приёмки. Но тут поднялся начальник охраны объекта и спросил: «Предусмотрена ли проектом охрана предприятия?» Члены комиссии были шокированы. Проектом не было предусмотрено, а следовательно и не было построено здание проходной, караульные и другие необходимые помещения. В спешке забыли. Комиссия отказалась подписывать акт приёмки объекта. Но утром следующего дня начальник строительства генерал М.М. Царевский собрал членов комиссии, посадил их в автобус и повёз на сдаточный объект. Автобус остановился перед ярко окрашенными воротами и зданием проходной... Акт приёмки объекта тут же и был подписан.

Наш след на ульяновской земле

Автобус миновал посёлок Мирный. Справа мелькнули красные огни трубы ТЭЦ – 2. Мы подъезжали к Ульяновску.

В самом начале 80 – х волею армейской судьбы я попал служить сюда, на левый берег матушки Волги. В июле 1982 года вот также поздним вечером я подъезжал к городу, внимательно всматриваясь в ленту широкой дороги, в ожидании второго шоссейного моста над нею. «Минуете второй шоссейный мост над трассой и сворачивайте направо. Там стоят «три богатыря», (так и по сей день народ именует три наши одноподъездные девятиэтажки), а за

ними часть, куда вам и надо» - сказали мне офицеры димитровградского полка, начальником которых я ехал служить.

Наш автобус миновал ТЭЦ-2 и шум мотора микроавтобуса неожиданно перекрыл рёв моторов заходившей на посадку «Тушки». Справа открылась панорама предприятий стройиндустрии, за ними едва просматривались гигантские корпуса Авиастара. Уже при въезде в сам город прямо по курсу показались огни строений на высоком правом берегу Волги. Ярко светился венчик гостиницы «Венец», хорошо просматривалось здание Ленинского мемориала. «И это тоже результаты труда нашего брата, военного строителя», - подумал я, и мои воспоминания перекинулись на последний период службы.

Ульяновское управление войск, начальником отдела политработы которого я закончил свою службу, начиналось с военно-строительного полка города Димитровграда. Кстати, приехал я служить в Ульяновское Управление войск в июле 1982 года, а четырьмя месяцами раньше командиром димитровградского полка приехал служить мой командир полка из Томска-7 заводила и весельчак, богатырь Владимир Филиппович Кравченко.

В условиях гонки ядерных вооружений СССР приходилось постоянно совершенствовать ядерный потенциал страны. Для этого надо было опережающими темпами вести научные исследования. К тому времени в СССР уже работали десятки научных центров и лабораторий, исследовавших ядерные и термоядерные процессы. Но вместе с тем надо было на строго научной основе разрабатывать и совершенствовать машины и оборудование предприятий, прежде всего атомный реактор. В середине пятидесятых и было принято решение построить научно исследовательский институт атомных реакторов. Местом строительства был определён город Димитровград, в то время - Мелекесс.

Вначале проектная документация и привязка зданий и сооружений института проектировалась на южной окраине города. В мае 1955 года железнодорожным эшелоном из города Электросталь Московской области прибыла автомобильная рота военных строителей под командованием капитана Заболотного. В городе Мелекессе, там, где сегодня расположен обелиск Славы, воины поставили палатки, начали строить для себя временное жильё барачного типа, предприятия строительной индустрии. К концу года уже был сформирован полк, которым командовал полковник Г.П.

Воронин. Полк организационно входил в состав предприятия п/я 83, которое создавалось для строительства НИИ.

Но на южной окраине Мелекесса геологи строить объекты института не разрешили. Подготовительные работы были приостановлены, подбиралась новая площадка. А воинская часть была расформирована.

К концу пятидесятых была подобрана подходящая площадка там, где ныне работает НИИАР, началось строительство. Проживающий ныне в городе Димитровграде участник ВОВ полковник в отставке Георгий Гаврилович Смолин служил в г. Арзамас – 16 (Саров). В декабре месяце 1959 года он во главе группы офицеров был командирован в город Тбилиси за пополнением. Привёз он новобранцев уже в город Мелекесс. Началось формирование воинской части. Григорий Гаврилович сначала был заместителем командира этой части по политической части, через полгода стал её командиром.

Тихий провинциальный городок Мелекесс имел в то время только деревянные тротуары, дороги кое-где были вымощены булыжником. К 1966 году основные объекты НИИАРа с участием военных строителей были построены. Всего было введено в строй действующих 16 объектов, в том числе такие важные объекты как: 106 –е здание, радиохимическая лаборатория (здание 120), материаловедческая лаборатория (здание 118), реакторная установка «Арбус», здание 101, ТЭЦ, РМЗ, и другие. Возникли и первые улицы соцгородка, так в то время называли новые микрорайоны в городах. Объёмы строительно-монтажных работ у ДУС резко сократились и воинскую часть снова расформировали. Но в середине 60 – х началось строительство автогиганта в г. Тольятти, а в городе Димитровграде развернулось строительство Автоагрегатного завода. И снова потребовались военные строители. В 1968 году опять формируется воинская часть.

Большие работы в то время велись в самом центре города Ульяновска. На живописном, высоком волжском берегу, откуда наш знаменитый земляк в юности любовался красавицей Волгой, сооружался его имени Мемориальный центр, строилась детская библиотека, областной Дворец пионеров и многие другие объекты. Стройка развернулась большая, сил ульяновских строителей, чтобы всё качественно к апрелю 1970-го года построить, не хватало. Распоряжением правительства СССР Димитровградскому управлению строительства было приказано принять участие в сооружении комплекса объектов на Венце. Естественно, что в

первую очередь руководство стройки использовало самую мобильную рабочую силу – военных строителей. Все поставленные задачи и здесь были выполнены успешно.

А когда в левобережье Ульяновска в 1976 году началось сооружение гиганта российского авиастроения, про Димитровградское Управление строительства вспомнили снова. И на улице Мелекесской в Заволжском районе г. Ульяновска высадились первые подразделения военных строителей, направленных из г. Димитровграда. Начали воины возводить для себя жильё, предприятия строительной индустрии, чтобы обеспечивать три строительного-монтажных управления, позже объединённых в трест, товарным бетоном, раствором, землеройной и грузоподъёмной техникой, транспортом и прочим. С 1978 года началось формирование Управления войск - в/ч 05317, строиться типовой военный городок, в котором было возведено три пятиэтажные казармы, столовая и клуб на 750 посадочных мест, банно-прачечный комплекс, санитарная часть, трёхэтажное здание штаба полка и такое же здание штаба Управления войск. Сейчас в нашем военном городке дислоцируется Заволжское управление внутренних дел, Заволжская прокуратура и суд. В бывшем здании штаба Управления войск работает Военный комиссариат Заволжского района.

На Авиакомплексе подразделения треста ДУС возвели: огромный, технически сложный корпус 3/1, лабораторный корпус, корпус по изготовлению элементов крыла, здания складских помещений и другие объекты. Всего на Авиакомплексе Димитровградское управление строительства, большинство рабочих которого на этой площадке составляли военные строители, построило 990 тысяч квадратных метров производственных площадей.

Здесь и прошли последние четыре года моей армейской службы. Когда основные корпуса Авиастарта совместно с Главульяновскстроем мы сдали в эксплуатацию, а планировавшееся и уже начатое возведение второй и третьей очереди завода из-за трудности финансирования затягивалось, стали сокращаться объёмы строительного-монтажных работ на ульяновской площадке. Встал вопрос о сокращении численности военных строителей, расформировании штаба Управления войск. Мне было предложено ехать на другие стройки. Предлагали Узбекистан, Казахстан, Кировскую область. Но я, к тому времени уже выслуживший установленный срок службы, никуда

больше не поехал. Почему? А не знаю. Возможно потому, что, прослужив годы в том или ином городе и гарнизоне, вложив свой посильный труд в сооружение предприятий и жилых кварталов городов, испытываешь немалое потрясение, своего рода стресс, при расставании. Мне дважды пришлось пережить такие тяжелые минуты. На третий раз терзать свою душу я не стал.

26 апреля 1986 года рванул реактор в городе Чернобыль. В числе первых ликвидаторов были офицеры, прапорщики и солдаты ульяновского и димитровградского полков. В Ульяновске на базе нашего полка был сформирован учебный центр по подготовке специалистов, направлявшихся на ликвидацию последствий той страшной аварии, на сооружение саркофага для аварийного реактора.

Несколько слов о друзьях однополчанах

А автобус уже мчался по пустынной, слабоосвещённой улице Нового микрорайона Ульяновска. Вот и первая остановка. Выходят доехавшие до своего дома мои сослуживцы. Засуетился, готовясь выходить на следующей остановке, усач, бывший старшина военного оркестра, заядлый рыболов и охотник Виктор Золотов. Вот он на минуту уставился на меня своими добрыми, всегда чуточку прищуренными глазками и сказал:

- Вы какой-то сегодня грустный. Уединились, ни с кем в пути не разговаривали. Может, что случилось, неважно себя чувствуете?

- О, нет, Виктор. Всё в порядке. Смотрю вот на тебя и грущу оттого, что когда-то чёрные как смоль твои гвардейские усы, стали белыми. Что уже никогда не видеть мне ваш славный духовой и его старшину с надраенной тубой, - тихо сказал я.

- Да. Всё это грустно. Но что поделаешь, сколько уж лет прошло, как закончили мы службу. Но жизнь продолжается, и старости нам сдаваться ещё рано.

- Ты прав, - вздохнувши, ответил я.

В это самое время автобус в очередной раз, взвизгнув тормозами, остановился. Виктор со всеми попрощался и растаял в ночи.

Закашлял, расправив широченную спину, гигант Олег Кирдянов.

- Сейчас выйдет и он, - подумал я, - он молодец, держится. Годы его пока не согнули, хотя и прошел Чернобыль в числе первых. Пробыл там целых три месяца. За ликвидацию чьей-то безалаберности получил две медали за отличие в службе. А вот командира их полка, красавца Володи Великанова давно с нами нет ...

Вот и моя остановка. Я низко поклонился остававшимся в автобусе моим дорогим однополчанам, пожелал всем здоровья и вышел.

Дойдя до дома, свернул в тихий, шуршавший под ногами сухой листвой небольшой скверик и продолжил свои воспоминания.

Вчера из Москвы позвонил Борис и сообщил, что умер Володя Карачабанов. Учились мы с ним в одном курсантском отделении. Чуть раньше ушли от нас генерал - лейтенант, в курсантские годы известный боксёр, Слава Цветков и добрейший парень детдомовец, выпускник суворовского, кандидат в мастера спорта по спортивной гимнастике Яша Будилов. Тяжело в своё время я перенёс известие о смерти Вани Аблова. Ещё мальчишкой он начинал службу в наших частях где-то на Камчатке. В самой близкой от США точке наши воины в условиях абсолютной секретности сотворили что-то такое, что если бы США развязали с нами войну, то получили бы так, что мало бы им не показалось. О той своей работе в суровых климатических, труднейших бытовых и производственных условиях Ваня ничего, никому, никогда не рассказывал. И только когда я, вернувшись с очередного совещания из Москвы, стал рассказывать ему о том, что у нас была встреча с легендарным полковником Владимиром Степановичем Кухарчуком, бывшим долгое время начальником отдела политработы Центрального управления войск, Ваня сказал, что он с ним когда-то служил в одной части. Я тут же спросил его, уж не на Камчатке ли они с ним вместе служили. Ваня с удивлением глянул на меня и спросил:

- Он что, рассказал о том, что там служил?

- Да, - ответил я.

- Во, дела, - сказал он, глубоко затянулся папиросой, выдержал долгую паузу и тихо с грустинкой протянул, - да, было дело. Было. Но что мы там строили - не спрашивай. Не скажу!

Уверен, ту тайну, которая давно таковой уже не тайна, Ваня так и унёс с собой на тот свет. Таким уж он был принципиальным. Если давал слово, в данном случае обещание не разглашать секретов, то никому, никогда, ни слова. А каким он был трудягой и скромницей! Высшего образования не имел, а потому долгие годы ходил в майорах. Сначала мы с ним служили в равных должностях. Потом я стал его начальником. Ваня ни разу и словом не заикнулся, даже не намекнул мне, чтобы я помог ему получить выдвижение. Но я ходатайствовал об этом, хотя терял в своём отделении замечательного работника. Когда его назначили начальником штаба нашего полка, а вскорости присвоили и звание подполковник, часто смыгая папиросу, каким-то не своим голосом он буркнул мне «спасибо», и опустил глаза.

А сквер, меж тем, закончился, и я подошел к дому, где когда-то жил. Вон голубоватым светом телевизора отсвечивает окно Василия Борисовича Трощенко. Ему скоро восемьдесят. На сегодняшнюю встречу он не поехал, прихворнул старичок. Но, в общем-то, он ещё не сдаётся. А ведь, сколько выпало на его долю! В 1957 году служил командиром механизированной роты в Челябинске -40 (Озёрск). Когда произошел известный радиационный выброс из могильника отходов - участвовал в ликвидации последствий. С первого и до последнего дня трудились его солдаты бульдозеристы, экскаваторщики, скреперисты и крановщики. На освинцованном бульдозере солдат толкал в воронку бывшего могильника грунт, возвращался на исходное место и в бульдозер садился следующий. Как не мылись солдаты после минутной работы, но на них оставалась радиационная пыль и они несли её в подразделение. Несколько раз дозиметристы проверяли роту на наличие «грязи». Во всех помещениях роты приборы дозконтроля зашкаливало. Их военный городок располагался рядом с объектом, на котором произошла авария. Полк в первый же день из опасной зоны вывели. На восстановительные работы и дезактивацию местности солдат возили автобусами. Но автобусов не хватало и через две недели полк вернули в прежний военный городок. Только несколько лет назад, уже после аварии в Чернобыле, Василий Борисович стал получать добавку к пенсии, как и чернобыльцы.

Вот здесь, подальше от нашего подъезда, я приказывал ставить автомобиль приезжавшим за мной водителям: долговязому, белокурому Женьке и всегда приветливо, тепло улыбавшемуся брюнету Акраму. Как только мы куда-нибудь приезжали с Женькой и я уходил по своим делам, он

тут же на передние сидения УАЗика ложился и засыпал. Ему, как и всем водителям нашего автозвода, приходилось почти каждый день поздно ложиться и рано вставать, часто дежурить в штабе Управления. Но не только поэтому он постоянно недосыпал. Знал я, что у него была подружка. Работала симпатичная толстушка на соседней автозаправочной станции. Вот там-то частенько мой Женя и проводил бессонные ночи. Патрули на автозаправку по ночам не наведывались, водку Женя со своей строгой подружкой не пил, и я его похождениям к ней не препятствовал. К тому же, в условиях вечного дефицита с горючим, его дружба с работницей автозаправки нас часто здорово выручала.

С некоторыми бывшими моими солдатами переписываюсь до сих пор, правда, только по Интернету. Из Германии пишет бывший наш механизатор Омар Джабраилов, из Ташкента Коля Шмидт, из Сибири Гена Васильев. Призывался Геннадий с Кубани. До призыва отсидел небольшой срок за хулиганство. С хулиганства начал и службу, но со временем остепенился и стал служить хорошо. Его самосвал всегда был исправен, закреплённые объекты он всегда вовремя и в полном объёме обеспечивал бетоном и раствором. Комсомольцем не был, но всегда принимал участие в наших комсомольских мероприятиях. После армии женился, да навсегда и остался в Сибири.

Года три назад в новостях на экране телевизора промелькнул министр сельского хозяйства Литвы. Глянул я тогда на высокого степенного господина и вспомнил комсомольского активиста нашего седьмого полка, призывавшегося из Вильнюса. До призыва тот воин окончил сельскохозяйственную академию и работал мелким чиновником в министерстве сельского хозяйства Литвы. Очень уж похож был министр на того солдата нашего полка.

Наладилась переписка с Автандилом Оганесовичем Восканяном. С Этим замечательным парнем мы служили от рядового до его офицерского звания – старший лейтенант. Посоветовал и помог с направлением на курсы прапорщиков. Как только Автандил закончил эти курсы и прибыл в полк, я написал представление и добился назначения его на должность заместителя командира роты по политической части. Очень много усилий пришлось приложить, чтобы присвоить ему, лучшему замполиту роты не только нашего полка, офицерское звание.

Прервалась связь с инженером Уралмаша Борей Исмаковым. Не общаюсь и с бывшим старшиной, солистом нашего ансамбля, а ныне профессором, заведующим кафедрой актёрского мастерства города Екатеринбурга Володей Марченко. Не поддерживаю я сегодня связи, к великому сожалению, и со многими другими дорогими моими ребятами, разлетевшимися по необъятным просторам России, ближнего и дальнего зарубежья, а их сотни и тысячи. В 1990 году с супругой мы посетили служившего в одной из частей СА сына. Часть дислоцировалась на территории к тому времени уже провозгласившего независимость Азербайджана. До Тбилиси добрались самолётом, до города Казах автобусом, а до самой части взяли такси. Лет пятидесяти, седовласый азербайджанец на хорошем русском всю дорогу расспрашивал меня о жизни в России, возмущался по поводу того, что мы теперь граждане разных государств. Ругая политиков, разъединивших нас, он в сердцах сказал: «Как может быть для меня чужим городом Москва, когда вот этими руками я построил несколько больших домов на Ленинском проспекте?! Нет! Этому не бывать!» Когда я спросил, в какой части он служил и у кого, мой собеседник назвал одну из наших частей Московского гарнизона, назвал несколько фамилий знакомых мне офицеров. Я не сказал ему, что тоже служил в частях министерства Среднего машиностроения, что двое из его бывших командиров мои сокурсники по военному училищу. И, тем не менее, когда приехали на КПП части сына, оплату с нас бывший наш военный строитель не взял, как мы с женой на том не настаивали.

Неожиданно зазвонил мой сотовый: «Деда, ты где? Бабушка тебя заждалась». Длинноногому студенту колледжа я ответил, что гуляю у дома, дышу воздухом, скоро приду. Андрей попросил не задерживаться, несколько секунд помолчал и продолжил: «Я сегодня звонил Серёге. Он просил передать тебе привет и поздравление с вашим праздником».

Серёжка это тоже внук, курсант третьего курса погранинститута. Через два года будет ещё один лейтенант Перепелятников. Вот только не строитель, а погранец.

«Ну, что ж, пообщался с друзьями наяву и в воспоминаниях, а теперь домой», - сказал я себе и направился в подъезд своего дома.